

- [22] Подорога В. А. Erectio. Геология языка и философствование М. Хайдеггера // Философия Мартина Хайдеггера и современность. М.: Наука, 1991. С. 102—120.
- [23] Поліщук Я. Пейзажі людини. Б/м. Акта, 2008. 346 с.
- [24] Проекты и мероприятия в области патентов и здравоохранения в ВОИС, ВОЗ и ВТО. Перечень документов. http://www.wipo.int/edocs/mdocs/scp/ru/scp_19/scp_19_ref_scp_18_5-annex2.pdf
- [25] Сиволан Л. А. Анализ инвестиционного ландшафта Украины в посткризисный период. http://www.nbuv.gov.ua/portal/soc_gum/pips/2012/296.pdf
- [26] Сигал К. Я. Проблема иконичности в языке // Вопр. языкознания. 1997. № 6. С. 100—119.
- [27] Терехин А. Т., Будилова Е. В., Качалова Л. М., Чмыхова Е. В. Локальность, интегральность и варифокальность мышления // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2011. № 4(18). <http://psystudy.ru>
- [28] Тютюнник Ю. Г. Ландшафт: этимология, герменевтика, экзегетика // Totallogy-XXI. Постнекласичні дослідження. Київ: ЦГО НАНУ, 2003. Вип. 10. С. 54—71.
- [29] Тютюнник Ю. Г. О феномене географии // Изв. РАН. Сер. геогр. 2010. № 6. С. 5—14.
- [30] Тютюнник Ю. Г. Тоталлогия ландшафта. Київ: ЦГО НАНУ, 2002. 122 с.
- [31] Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки / Пер. с англ. и нем. М.: Прогресс, 1986. 542 с.
- [32] Что такое «патентный ландшафт»? http://community.sk.ru/foundation/ipcenterskol-kovo/b/faq/archive/2012/11/12/3-hto-takoe-patentnyy-landshaft_3f00_.aspx

Київ
carmel@mail.ru
carme@univ.kiev.ua
Научный центр экомониторинга
и биоразнообразия мегаполиса НАНУ

Поступило в редакцию
13 мая 2013 г.

Изв. РГО. 2013. Т. 145. Вып. 5

© А. Г. ДРУЖИНИН,* АЙДЫН ИБРАГИМОВ,** АРГУН БАСКАН***

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РОССИИ И ТУРЦИИ В ПОСТСОВЕТСКОЕ ВРЕМЯ: ФАКТОРЫ, ТЕНДЕНЦИИ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Приоритетное место как в научном дискурсе, так и в сфере реальной международной политики в последние годы обретает концепт «Евразии» [6, 10, 14, 16, 19], проецируясь в том числе и на такую сложную, динамично развивающуюся, притягивающую всевозрастающее внимание исследователей [1—3, 12, 15, 26, 27] сферу, как российско-турецкие взаимоотношения.

В современной евразийской геоэкономической и геополитической архитектонике Россия и Турция безусловно одни из ключевых акторов; обретшее характер устойчивого тренда сближение наших стран, их все более выраженная прагматичная комплиментарность предопределяются не только актуаль-

ной конъюнктурой, но и масштабной, продолжительной, временами драматичной практикой геопро пространственного взаимодействия.

Результатом многовековых геополитических трендов и связанной с ними пространственной этнокультурной, цивилизационной динамики явилось формирование обширнейшего ареала совместного российско-турецкого геоисторического наследия. В ретроспективе (в различные периоды) в состав Российского государства входило 41.3 % территории евразийского материка (в настоящее время — 31.5 %); весьма обширные рубежи на просторах Евразии занимала и предшественница современной Турецкой Республики — Османская империя, к концу XVI в. простиравшаяся на 7.607 млн км² [18], охватывая не только значительную часть Ближнего Востока, но и Балканы, северное Причерноморье, Закавказье. В настоящее время в составе Российской Федерации около 200 тыс. км² в прошлом «непосредственно османских» территорий (все они локализованы в пределах Южного и Северо-Кавказского федеральных округов, достигая 34 % от их совокупной площади); еще порядка 450—500 тыс. км² составляют простирающиеся далее к северу, вплоть до линии от Рязани до Тулы («Большой засечной черты» — первой фактической южной границы Московского государства), периферийные для Османской империи XVI в. земли, известные ранее как «Дикое поле». Если присовокупить к этому соответствующие регионы Украины (около 120 тыс. км² или почти 20 % ее территории), Молдову, государства Закавказья и примыкающую к ним на юго-западе Карскую область, то у России и Турции окажется не менее 1 млн км² очерчиваемого ранее границами соответствующих исторических государств пространства. Учет всех былых зон геополитического влияния России и Турции позволяет оценить масштаб их совместной ретроспективной «сферы интересов» в Евразии в 2.5 млн км². Данное пространство (ныне «насыщенное» действующими юрисдикциями, инфраструктурой, ресурсами, экономическими связями и потоками, сложившейся конфессиональной и этнической мозаикой) существенно и для наших национальных историй, и для современных двухсторонних межгосударственных отношений.

Не менее важным потенциальным «евразийским скрепом» следует признать и достаточно существенную этнокультурную и конфессиональную близость населения наших стран. Так сложилось, что турецкое общественное сознание (в отличие от российского) не ставит различий между понятиями «тюрок» и «турок», подразумевая и тех, и других в качестве представителей единой турецкой (тюркской) нации [13]. На территории Российской Федерации, согласно переписи 2010 г., проживает более 12 млн представителей тюркских этносов, или 8.4 % всего населения страны (в 2002 г. — 10.2 млн, или 7 % соответственно), включая 105 тыс. собственно этнических турок, локализованных в своей подавляющей массе (78 %) в пределах Южного и Северо-Кавказского федеральных округов. Существенно также, что в составе России девять «тюркских» (по титульному этносу) субъектов Федерации, чья суммарная доля в территории РФ достигает 21.4 %, населения — 8.7, а ВРП — 6.5 % [8]. Необходимо учитывать, что современная Российская Федерация вмещает не менее 15 млн представителей народов, традиционно приверженных исламу (не считая лиц, временно проживающих на ее территории), и имеет статус страны-наблюдателя Организации исламского сотрудничества. Что касается Турецкой Республики, то в данном контексте важно упомянуть о многочисленных потомках северо-кавказских мухаджиров, в

значительной мере имплантированных в современное турецкое общество (их численность, по различным оценкам, варьирует от 3 до 7 млн чел. [25]). В последние годы на территории Турции формируется и диаспора российских граждан (около 12 тыс. россиян проживают в этой стране на постоянной основе [23]); имеет место и расширяется практика межнациональных российско-турецких браков.

Перечисленные обстоятельства безусловно существенны, однако наиболее важная причинность выраженного с начала 2000-х гг. многоаспектного сближения России и Турции заключается, конечно же, в складывающейся в Евразии с начала 1990-х гг. принципиально новой геополитической обстановке, в углубляющейся (по мере роста российской и турецкой экономик), имплантированной в контекст глобальных экономических процессов хозяйственной взаимозависимости.

Экономическая основа современного российского общества, как и в целом межгосударственной интеграции на евразийском пространстве, — это прежде всего локализованный («россыпью» месторождений и нитями трубопроводов, портовых терминалов, морских путей, а также «сгустками» населения и хозяйственной активности) рынок энергоносителей, связанные с ним центры концентрации и каналы перераспределения формируемой природно-ресурсной ренты. Возможность включения в этот по сути общеевразийский мегарынок в качестве не только приоритетного потребителя, но и страны-транзитера, а также поставщика диверсифицированных по номенклатуре товаров и услуг в крупнейшие городские агломерации России существенна для турецкой экономики. Именно она порождает «евразийское экономическое воодушевление» (как это точно и образно сформулировал премьер-министр Турецкой Республики Реджеп Тайип Эрдоган [1]), которое по всем признакам и для Турции, и для России обоюдно и устойчиво.

Растущая взаимозависимость экономик России и Турции — реальность постсоветской Евразии, один из важнейших видоизменяющих ее трендов. Если еще в 1991 г. объем торгового оборота двух государств едва достигал 1.5 млрд долл. США, то в последующий период данный ключевой показатель демонстрировал все возрастающий динамизм (достигнув к 2008 г. величины в 38 млрд долл. США) и после кризисного спада в 2009 г. (23 млрд) вновь возобновил рост (составив в 2011 г. 30 млрд долл. США), превратив Россию во второго (после Германии) внешнеторгового партнера Турции (табл. 1).

Основу подобной динамики составляет, прежде всего, сотрудничество в энергетической сфере: на долю энергоносителей приходится около 3/4 объема российского экспорта в Турцию и соответственно более 60 % всего внешнеторгового оборота двух государств. По завершению ввода в эксплуатацию в 2003 г. газопровода «Голубой поток» Турция выступает одним из приоритетных потребителей российского природного газа. В 2011 г. его поставки на рынок Турецкой Республики достигли максимального за весь период двухсторонних отношений значения (26 млрд м³); в результате Турция оказалась третьим по объему, после Украины и Германии, импортером этого стратегического для России сырья. Две трети своих потребностей в природном газе Турция обеспечивает именно за счет России [29]. Характерно также, что на общем фоне стабилизации и некоторого сокращения спроса на поставляемый «Газпромом» на зарубежные рынки природный газ доля Турции в российском газовом экспорте за последнее пятилетие ощутимо возросла (с 7.59 % в 2006 г. до 11.76 % в 2011 г.) (табл. 2).

Таблица 1

Внешнеторговый оборот России и Турции (в динамике)*

Год	Внешнеторговый оборот России и Турции (млрд долл. США)	Внешнеторговый оборот РФ, всего (млрд долл. США)	Внешнеторговый оборот Турции, всего (млрд долл. США)	Удельный вес Турции во внешнеторговом обороте России (%)	Удельный вес России во внешнеторговом обороте Турции (%)
2011	30	845	389	3.55	7.7
2010	26	626	376	4.2	6.9
2009	23	469	243	4.9	9.5
2008	38	672	334	5.7	11.4
2007	28	552	277	5.1	10.1
2006	17	439	225	3.9	7.6
2005	13	340	190	3.8	6.8
2004	11	257	160	4.3	6.9
2003	7	191	73	3.7	9.6
2001	4	141	73	2.8	5.5

Примечание. * Составлено авторами по данным Федеральной службы государственной статистики России и Министерства экономики Турции [20, 31].

Разумеется, географическая структура рынка энергоносителей не статична: глобальный баланс сил устойчиво смещается в сторону Азии [28]. Более одной трети прироста мирового спроса на энергоносители в долгосрочной перспективе обеспечит Китай (чья доля, согласно прогнозу World Energy Outlook, в общем объеме доходов России от экспорта ископаемых видов топлива увеличится с 2 % в 2010 г. до 20 % в 2035 г., в то время как доля Европейского союза сократится с 61 до 48 % [32]); подобная перспектива, помимо всего прочего, потребует более скоординированной активности России и Турции в отношениях с богатыми энергоресурсами странами Центральной Азии. Позиции Турции как значимого потребителя, а также одного из гарантов трансевразийского трафика природного газа при этом и далее будут укрепляться в

Таблица 2

Потребительский потенциал Турции в формируемом «Газпромом» трансевразийском рынке природного газа*

	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.
Экспорт газа из России в Турцию, млрд м ³	19.9	23.4	23.8	20.0	18.0	26.0
Экспорт газа из России в страны Западной Европы, млрд м ³	161.5	168.5	167.6	152.8	138.6	150.0
Экспорт российского газа в страны СНГ и Балтии, млрд м ³	101	96.5	96.5	67.7	70.2	71.1
Удельный вес Турции в экспорте газа из России, %	7.59	8.80	9.01	9.07	8.62	11.76

Примечание. * Составлено авторами по данным ОАО «Газпром» [4].

связи с ощутимым демографическим и экономическим ростом в стране, а также благодаря реализации проектов «Южный поток» (работы по сооружению данного газопровода, частично проходящего через экономическую зону Турции, начаты в декабре 2012 г.) и Nabucco. Это усиливает геоэкономическую взаимозависимость России и Турции, подкрепляет претензии последней на роль российского партнера в распределении природной ренты Евразии, порождая неизбежно проецирующееся на российско-турецкие взаимоотношения противоречие между интересами Российской Федерации (как поставщика энергоресурсов) и Турецкой Республики (как их потребителя и страны-транзитера). Частным, но весьма важным для Турции, вопросом двухсторонних экономических отношений одновременно продолжает оставаться устойчивый дисбаланс внешней торговли в пользу России, заинтересованной в свою очередь в беспрепятственном (вне зависимости от геополитической и иной конъюнктуры) транзите через черноморские проливы.

Еще один существенный экономический (и отчасти общегуманитарный) «скреп» в современной российско-турецкой системе взаимоотношений — туристско-рекреационная сфера. В силу многих причин Турция для россиян — наиболее предпочтительное (из числа других государств вне СНГ) туристско-рекреационное направление. В 2011 г., согласно данным российской статистики, Турецкую Республику в рекреационных целях посетили 2682 тыс. россиян (всего же за год зафиксировано прибытие в Турцию 3259 тыс. российских граждан). Встречный поток турецких граждан в Россию не столь масштабен (249 тыс., в том числе лишь 81 тыс. с целью туризма) и к тому же существенно меньше, чем несколькими годами ранее (к примеру, в 2003 г. Россию посетило 1312 тыс. турецких граждан, в том числе 1039 тыс. в туристических целях) [24]. Связанная с подготовкой XXII Олимпийских зимних игр в Сочи модернизация территориально-рекреационных систем в российском Причерноморье (на территории Краснодарского края благодаря «олимпийскому проекту» за последнее пятилетие дополнительно осуществлено не менее 20 млрд долл. США инвестиций в основной капитал), а также декларируемая перспектива создания новых центров горнолыжного и оздоровительного туризма на Северном Кавказе (в данном регионе, согласно «Стратегии социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа до 2025 г.», предполагается создать более 100 тыс. новых рабочих мест в рекреационном хозяйстве) — сделают основные российские рекреационные территории потенциально более притягательными (в том числе, вероятно, и для граждан Турции); конкуренция между турецкими и российскими курортами при этом безусловно усилится.

Фиксируя внимание на важнейших аспектах российско-турецкого экономического взаимодействия, важно также подчеркнуть, что оно во все возрастающей мере диверсифицируется. Несмотря на преобладание в нем внешнеторговой составляющей (с акцентом на энергосырьевые поставки) и рекреационных услуг, заметное распространение получают активность в строительной сфере, инвестиционное сотрудничество, производственное кооперирование. Так, в частности, российский Сбербанк (крупнейший коммерческий банк в России) приобрел турецкий Denizbank. Начата постройка атомной электростанции в Аккую (общая стоимость 20 млрд долл. США), близок к реализации проект комбинированного паромно-железнодорожного маршрута Самсун—Кавказ. Турецкие строительные подрядчики реализовали в России 1152 проекта на общую сумму 32 млрд долл., при этом число турецких рабо-

чих превысило 100 тыс. чел. [29]. В целом же по ситуации на 2012 г. в Турции зарегистрировано 1400 представительств российского бизнеса, более 2 тыс. турецких фирм функционируют в России.

Из субъектов Российской Федерации наиболее активно развивают экономические отношения с Турцией Республика Татарстан, Республика Башкортостан, Москва и Московская область, Ставропольский и Краснодарский края, Ростовская область, республики Северного Кавказа. На территории Турецкой Республики аттракторами для хозяйствующих субъектов из России выступают в первую очередь южно-эгейские и западно-средиземноморские регионы (наиболее привлекательные для рекреантов). В последнее время во взаимодействие с российским бизнесом все активнее пытаются включаться и другие территории, чему способствует создание в Турции 26 местных агентств развития, ведущих поиск партнеров в российских регионах по принципу взаимодополняемости экономик. В частности, в качестве пилотного проекта начата реализация двустороннего внешнеэкономического сотрудничества Северо-Западного федерального округа Российской Федерации и Южно-Эгейского агентства развития.

Позитивно оценивая наметившийся двусторонний геоэкономический тренд, нельзя не признать, что возможности российско-турецких связей в существенной мере недоиспользованы. Практически отсутствуют четкие целевые ориентиры и реальные механизмы углубления интеграционных процессов. Внешнеторговое взаимодействие фрагментарно, слабо и непоследовательно трансформируется в полномасштабную экономическую интеграцию и в этой связи все заметнее «буксует» (с 2009 г. доля Турции во внешнеторговом обороте России регулярно сокращается), недостаточно подкрепляясь усилиями в инвестиционной, научно-технической и культурно-образовательной сферах. Отчасти это следствие «колей» исторического опыта, отчасти — сохраняющегося потенциала геополитических противоречий (продолжируемых в том числе, и пребыванием Турции в структурах НАТО), отчасти — все еще невысокой инвестиционной привлекательности как Турции, так и России.

Несмотря на развитие институциональной среды межстранового гуманитарного диалога (созданы и действуют российско-турецкие культурные центры в Стамбуле, Москве, Санкт-Петербурге), весьма существенное воздействие на ситуацию продолжают оказывать и сохраняющиеся культурно-ментальные барьеры (в этом отношении показательно, что в 2002 г. на территории РФ, согласно переписи, владение турецким языком продекларировало 161 319 чел.; в 2010 г. таковых оказалось ощутимо меньше — 146 363). Существенны в данном случае и отсутствие продуманной и до конца взаимоприемлемой стратегии российско-турецкого совместного «евразийского будущего», и недостаточная осмысленность интеллектуальными элитами двух стран (продолжающих пребывать «на перепутье» в конструировании своих культурно-цивилизационных идентичностей) самого концепта Евразии, наличие существенных расхождений в его понимании.

Ситуация осложнена тем, что «Евразия» (как некая мегацивилизация, ареал соразвития европейских и азиатских компонент культуры, специфическое геоэкономическое и геополитическое пространство) интенсивно видоизменяется. Ее интегрирует уже не только (и не столько) единое государство (группировка, союз государств), сколько в существенной мере альтернативные геополитические и геоэкономические экспансии [7]. Под их воздействием «Евразия» «вестернизируется», во многом пребывая под контролем домини-

рующих ныне в глобальном масштабе сил (настойчиво продвигающих на восток сферу своего влияния), параллельно ощущая все более заметное воздействие фактора ислама, геоэкономической активности Китая, демографо-экономического потенциала Индии. В подобном контексте, несмотря на возрастающую популярность идей «евразийства», фундаментальный (особенно для профессиональных географов-обществоведов) вопрос о границах «Евразии» («промежуточной», многофакторной и полицентрической субстанции), ее доминантных центрах, местоположении в современной геополитической, геокультурной и геоэкономической архитектонике сложен, зависим от текущей конъюнктуры и локальных интересов и в существенной мере пока остается открытым.

Что же касается Российской Федерации, то она по-прежнему занимает узловое положение в Евразии и в этой связи не может не выступать одним из лидеров в организации продуктивного диалога в интересах обустройства всего евразийского пространства. Пережив масштабные по своим амплитудам и следствиям потрясения и по многим позициям завершив «великое отступление» (по образному выражению Дж. Фридмана [30]), постсоветская Россия все более мыслит себя «по-евразийски» [5, 10, 11, 21, 22]. Все активнее включаясь в глобализационную ритмику, страна параллельно устойчиво воспроизводит свою «евразийскую» этнодемографическую структуру, наращивая в том числе и исламскую составляющую. Испытывая абсолютную и в еще большей мере относительную депопуляцию (за 1900—2010 гг. доля России в ее современных территориальных «рамках» в мировом населении уменьшилась с 4.5 до 2 %; к 2030 г. данный показатель, вероятно, не превысит 1.5 % [9]) и одновременно выступая как активно заселяемая извне страна (практически каждый десятый из прошедших процедуру переписи в 2010 г. — мигрант постсоветского периода), в XXI в. Российская Федерация оказалась перед реальной перспективой масштабной этнокультурной трансформации.

Идея включенности в евразийские процессы, осознание все возрастающего значения «евразийского вектора» в политике страны, в выборе геоэкономических и геополитических ориентиров, созвучности евразийства национальным интересам утверждается и в Турции [13]. Былой социальный и политический ажиотаж вокруг интеграции страны в ЕС утихает, что проецируется и на подвижки в общественном мнении: так, по данным Центра европейских исследований Босфорского университета, если в 2003 г. число респондентов, положительно относящихся к вхождению Турции в ЕС, составляло 69.3 %, то уже в 2012 г. этот показатель опустился до 47.1 %; число лиц, негативно относящихся к идее вступления Турции в Евросоюз, при этом из года в год растет. Одновременно все меньшее число турецких граждан начинают воспринимать свою страну как часть Европы: если в 2003 г. 70 % процентов опрошенных респондентов считало Турцию географической составляющей Европы, то к настоящему времени этот показатель упал до 46 %.

Будучи нацелена на все более активное самопозиционирование в качестве возрождающейся евразийской державы (в том числе и в рамках Шанхайской организация сотрудничества), Турция одновременно заинтересована и в сохранении сильной, экономически устойчивой Европы, и в поддержании сложившегося евразийского баланса сил, малореалистичного, как видится, вне продуктивного диалога с Россией, т. е. конвертации общих геоэкономических интересов двух стран в единую геополитическую позицию. В выстраивании данного диалога важно осознавать, что столь необходимый ныне (учитывая

влияние факторов глобальной нестабильности, регионализации, незавершенности процессов этнического самоопределения наций, традиционного стремления к доминантному влиянию на евразийские дела «сторонних сил») евразийский интеграционный проект не может ограничиваться лишь традиционной сферой российского влияния либо сводиться исключительно к дележу «советского наследия» и выстраиванию новых осей геополитической конфронтации в ожидании предсказываемых грядущих геополитических потрясений [30]. Учет взаимных интересов и способность к компромиссу, к формированию ареалов и зон совместного геоэкономического (а в этой связи и геополитического) влияния (призванных стать одной из важнейших «осей» стабильности современной Евразии) должны дополняться совместными действиями по недопущению любых локальных и региональных дестабилизаций.

Формирование «евразийской платформы» российско-турецкого стратегического сближения предполагает также превращение приграничной периферии в ареалы трансграничного взаимодействия, в новые стимулируемые межгосударственным сотрудничеством «полюсы роста». Последнее особенно важно для южных регионов России, где в силу многих причин воздействие российско-турецкого взаимодействия на экономику и социально-политическую обстановку наиболее существенно, в том числе и с учетом перспективы.

Экономико-демографический потенциал Турецкой Республики растет, демонстрируя характер долгосрочной тенденции. Если имевшие место в 2000-е гг. темпы демографического роста Турции останутся неизменными, то уже к 2020 г. в этой стране окажется порядка 90 млн жителей (в настоящее время около 80 млн), а к 2050 — до 160—170 млн. При нынешних темпах роста турецкой экономики (прирост ВВП в 2010 г. — 9.2 %, в 2011 г. — 8.5 %) существует и высокая степень вероятности, что к середине XXI столетия в целом сравняется потенциал важнейших «сгустков» социально-экономической активности России (Московская агломерация) и Турции (Стамбул и весь регион Мармара), при том что в настоящее время соотношение их экономического «веса» (по ВРП) составляет соответственно 2 : 1. В этой ситуации для Российского государства развитие взаимоотношений с Турецкой Республикой предстает в качестве не только значимой составляющей «евразийского вектора» внешнеполитического курса (и важнейшего критерия его успешности), но и базового условия укрепления позиций на Кавказе и в Причерноморье, решения задач территориального социально-экономического развития.

Дальнейшее развитие двусторонних отношений России и Турции связано также с налаживанием и развитием плодотворного межконфессионального (ислам и православие) диалога в рамках единой парадигмы светского государства, с существенной активизацией научного, образовательного и общекультурного взаимодействия, включая меры по популяризации русского языка в Турции и турецкого в России, в том числе в формате академической мобильности. Крайне необходимым в обозначенном контексте представляется и выстраивание продуктивного и тесного сотрудничества географов-обществоведов двух стран, в том числе в решении фундаментальной и актуальной задачи — российско-турецкой конвергенции в экономической и социокультурной сферах, конструирования нашего совместного будущего в рамках полицентричной модели Евразии.

Список литературы

- [1] Аккая М. Российско-турецкие отношения в 2000—2006 гг. // Власть. 2008. № 11. С. 69—73.
- [2] Актиюрк С. Контр-гегемонистские взгляды и примирение через прошлое: случай турецкого евразийства // Ab imperio. 2004. № 4. С. 207.
- [3] Бакустин А. В. Турция, Россия и государства Центральной Азии в XXI веке // Россия и современный мир. 2009. № 2. С. 175—186.
- [4] Годовой отчет ОАО «Газпром» за 2011 год. <http://www.gazprom.ru/f/posts/95166501/annual-re> (05.01.2013).
- [5] Гумилев Л. Н. Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации. М.: Экопрос, 1993. 576 с.
- [6] Дергачев В. А. Геополитическая теория больших многомерных пространств. Монография. (Электронное издание на CD + Интернет-гиперссылки). Издательский проект проф. Дергачева, 2011.
- [7] Дружинин А. Г. Глобальное позиционирование юга России: факторы, особенности, стратегии. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2009. 288 с.
- [8] Дружинин А. Г. Пространственное социально-экономическое развитие современной России сквозь призму научных идей Л. Н. Гумилева // Вестн. СПбГУ. Спец. вып. К 100-летию Л. Н. Гумилева. 2012. С. 51—57.
- [9] Дружинин А. Г. Демографо-экономическая динамика регионов юга России: долговременные тренды и новые тенденции в российском и глобальном контексте // Южно-российский форум: экономика, социология, политология, социально-экономическая география. 2012. № 1 (4). С. 3—16.
- [10] Дугин А. Мистерии Евразии. М.: Арктогея, 1996. 200 с.
- [11] Дугин А. Основы геополитики. М.: Арктогея, 2000. 928 с.
- [12] Егоров В. К. Россия и Турция: конструктивная взаимозависимость // Россия и современный мир. 2004. № 2. С. 132—145.
- [13] Ибрагимов Айдын, Кахраман Селвер О., Чалышкан Ведат. Геополитические контакты России и Турции в условиях многополярного мира // Россия в многополярной конфигурации. Сб. докл. Междунар. конф. (Москва, 28—29 октября 2010 г.) / Отв. ред. С. П. Глинкина. М.: ИЭ РАН, 2011. 752 с.
- [14] Каганский В. Л. «Евразийская мнимость» // Россия как цивилизация: Устойчивое и изменчивое / Отв. ред. И. Г. Яковенко. Научный совет РАН «История мировой культуры». М.: Наука, 2007. С. 531—590.
- [15] Корицкий А. А., Корицкий С. А. Россия и Турция: 90 лет сотрудничества // Азия и Африка сегодня. 2011. № 8. С. 75—76.
- [16] Назарбаев Н. А. Евразийский Союз: идеи, практика, перспективы. 1994—1997. М.: Фонд содействия развитию социальных и политических наук, 1997.
- [17] Орешикова С. Ф., Ульченко Н. Ю. Россия и Турция (проблемы формирования границ). М., 1999. 230 с.
- [18] Османская империя // Новый энциклопедический словарь. М., 2002. С. 858.
- [19] Путин В. В. Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня // «Известия», 03.10.2011 г.
- [20] Регионы России. Социально-экономические показатели. Стат. сб. М.: Росстат, 2011. 990 с.
- [21] Российская цивилизация: Этнокультурные и духовные аспекты: Энциклопедический словарь. М.: Республика, 2001.
- [22] Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология. М.: Наука, 1993. 367 с.
- [23] Рязанцев С. Трудовые миграции из России и новая российская диаспора за рубежом // Мировая экономика и международные отношения. 2006. № 9. С. 34—41.
- [24] Туризм и туристские ресурсы России. М.: Росстат, 2004. 267 с.

- [25] Чеченская диаспора за рубежом. <http://www.warweb.ru/GetMaterial.asp?Page=308092006> (06.08.2009).
- [26] *Шевяков А.* Россия, Турция и страны СНГ // Россия и мусульманский мир. 2004. № 9. С. 136—150.
- [27] *Шахидов А. Ш.* Россия и Турция: от войн до союза // Евразийский юридический журн. 2009. № 14. С. 113—117.
- [28] Balance of Power. Theory and Practice in the 21st Century. Ed. by T. V. Paul, James J. Wirtz, and Michail Fortmann. Stanford: Stanford University Press, 2004.
- [29] *Gökçe D.* Obama'dan sonra Putin, Akşam Gazetesi. 14.11.2010.
- [30] *Friedman G.* The Next 100 years. A Forecast for the 21st century. N. Y.: Doubleday, 2009. 344 с.
- [31] Türkiye Dış Ticaret İstatistikleri. www.ekonomi.gov.tr (05.02.2013).
- [32] World Energy Outlook, 2011.

Ростов-на-Дону
Чанаккале, Турция
Измир, Турция
alexdr@ctsnet.ru
*Северо-Кавказский НИИ
экономических и социальных проблем
Южного федерального университета
**Чанаккалинский университет
***Эгейский университет

Поступило в редакцию
26 февраля 2013 г.

© **А. Г. Дружинин, Айдын Ибрагимов, Аргун Баскан.**

Взаимодействие России и Турции в пространстве постсоветской Евразии: факторы, тенденции, проблемы, перспективы.

Россия и Турция относятся к ключевым акторам в геоэкономической и геополитической архитектонике современной Евразии. Российско-турецкое сближение обусловлено комплексом исторических, культурных, демографических и социально-экономических обстоятельств и имеет устойчивый стратегический характер.

© **A. G. Druzhinin, Ibragimov Aydyn, Baskan Aydyn.** Cooperation between Russia and Turkey in the space of post-Soviet Eurasia: factors, trends, problems and prospects.

Russia and Turkey act as key actors in the geoeconomic and geopolitical architectonics of modern Eurasia. Approach in Russian-Turkish relations is determined by the complex historical, cultural, demographic and socio-economic circumstances and has a steady strategic nature.